

РЕВОЛЮЦИОННАЯ БОРЬБА ПРОЛЕТАРИАТА РОССИИ в 1914—1916 годах

Академик И. И. Минц

Говоря о причинах Февральской революции 1917 г. в России, В. И. Ленин отмечал роль мировой войны как «всесильного «режиссера», «могучего ускорителя»¹. Война ускорила созревание объективных предпосылок революции, усилив развитие монополистического капитализма и превращение его в государственно-монополистический капитализм. Вместе с тем мировая война усилила зависимость царизма и российской буржуазии от иностранного империализма, поставила Россию перед угрозой потери самостоятельности и возложила на пролетариат дело спасения независимости страны.

Эта сторона проблемы уже нашла свое освещение, особенно в литературе, посвященной 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Но имеется и другая сторона. Война создала кризис во всех областях жизни общества. Она принесла неисчислимые бедствия народу и поставила трудящихся перед необходимостью вручить руководство борьбой за свободу самому революционному классу — пролетариату. Война заставила народ выступить с оружием в руках против царского самодержавия. Во время войны закалилась в испытаниях и окрепла в классовых боях партия большевиков, возглавившая революционную борьбу масс, показавшая свою готовность и умение повести их на штурм старого строя. Эта сторона проблемы менее разработана в литературе.

Темой настоящей статьи является история революционной борьбы пролетариата в годы первой мировой войны. Литература по этому вопросу, как документальная, так и исследовательская, довольно значительна². Однако большая часть ее издана давно. Между тем за последнее время в научный обиход вовлечен новый документальный материал, касающийся истории рабочего движения на местах.

Предпринимая войну, царское правительство надеялось подавить революционное движение народных масс. Власти отдавали себе отчет в том, что пролетариат и его партию нелегко будет сломить. Поэтому

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 23, стр. 293.

² См. «Большевики в годы империалистической войны. 1914 — февраль 1917». Сборник документов местных большевистских организаций. М. 1939; «Рабочее движение в годы войны». М. 1925; «Материалы по статистике труда». Вып. 8. М. 1920; «Петроградский пролетариат и большевистская организация в годы империалистической войны. 1914—1917 гг.». Сборник материалов и документов. Л. 1939; М. Г. Флеер. Рабочее движение в России в годы империалистической войны. Л. 1926; Б. Б. Граве. К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны. Июль 1914 — февраль 1917 г. Пролетариат и буржуазия. М.-Л. 1926; М. И. Мительман, Б. Д. Глебов и А. Г. Ульяновский. История Путиловского завода. 1789—1917. М.-Л. 1941; Ф. А. Романов. Рабочее и профессиональное движение в годы первой мировой войны и второй русской революции (1914 — февраль 1917). Исторический очерк. М. 1949; К. Ф. Сидоров. Рабочее движение в годы империалистической войны. «Очерки по истории Октябрьской революции». Т. 1. М.-Л. 1927.

царское правительство приняло меры, чтобы провести мобилизацию как можно организованнее и не допустить никаких выступлений против властей. Предвидя «беспорядки» среди запасных, царские власти мобилизовали полицейские части и привели в боевую готовность войска.

Официальная печать уверяла, что мобилизация прошла спокойно. Буржуазная пресса писала о «единении царя с народом», об «энтузиазме» масс, о «патриотических» манифестациях. По словам бывшего председателя IV Государственной думы М. Родзянко, с началом войны «как волшебством сметено было революционное волнение в столице»³. Большевики, вторя своим хозяевам, с умилением уверяли, будто после начала войны вчерашние «забастовщики», воевавшие с полицией, превращаются в самых восторженных патриотов»⁴.

В действительности дело обстояло иначе. Рабочий класс и крестьянская беднота встретили войну массовыми антиправительственными выступлениями.

Рабочие Петрограда по призыву большевиков, выпустивших несколько антивоенных листовок в первые дни мобилизации, объявили 19 июля забастовку. По сведениям охраны, прекратили работу 21 предприятие с 27 тыс. рабочих⁵. В это число не вошли предприятия, где рабочие бастовали не целый день или прекратили работу, но не покинули территории завода. На фабриках прошли митинги, на которых большевики выступали против войны. На заводе «Айваз» по поручению Петербургского Комитета выступил М. И. Калинин. Состоялось несколько демонстраций в центре города и в районах. 19 июля антивоенные демонстрации организовали рабочие заводов «Новый Лесснер» и «Эриксон». На Большом Сампсоньевском проспекте они слились с многотысячной демонстрацией других заводов. Среди рабочих находилось около 4 тыс. призывников. Увидев партию запасных под конвоем полиции, демонстранты встретили ее криками «Долой войну!» и пением «Марсельезы». Полицейские были забросаны камнями⁶.

В Москве трудящиеся вышли на улицы с протестом против войны и пытались устроить революционную демонстрацию у памятника Скобелеву⁷. И здесь рабочие встречали «патриотические» манифестации криками «Долой войну!». Большевики Москвы, несмотря на репрессии, сумели выпустить в конце июля антивоенную листовку. В ней говорилось: «В России и Германии, в Англии и Франции, в Австрии и Бельгии должен быть брошен один клич, наш постоянный и неизменный клич: Долой войну! Да здравствует братская солидарность народов!»⁸.

В Твери в первые же дни войны 1 500 рабочих вагоностроительного завода прекратили работу. По сообщению тверского вице-губернатора, группа рабочих вагоностроительного завода вышла якобы на верноподданническую демонстрацию с царским флагом, но, подойдя к городу, демонстранты сорвали синюю и белую полосы с флага и с красным знаменем продолжали шествие⁹. Антивоенное движение рабочих, организованное большевистской партией, произошло также в Киеве, Самаре, Нижнем Новгороде, Харькове и других городах¹⁰.

³ М. В. Родзянко. Государственная дума и февральская 1917 года революция. «Февральская революция». Сборник. М. 1925, стр. 7.

⁴ Газета «День», 24 июля 1914 года.

⁵ «Петроградский пролетариат и большевистская организация в годы империалистической войны, 1914—1917 гг.», стр. 25—26.

⁶ Там же, стр. 25—26, 224.

⁷ «Пролетарская революция», 1923, № 2(14), стр. 469.

⁸ Я. Темкин. Большевики в борьбе за демократический мир (1914—1918 гг.). М. 1957, стр. 24.

⁹ ЦГИАМ, ф. 102, оп. 106, д. 73, ч. 3, 1914 г., л. 1.

¹⁰ А. Я. Гончарова. Коммунистическая партия во главе массовых революционных стачек в период подготовки и проведения Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. (кандидатская диссертация. М. 1956), стр. 48.

Во многих случаях выступления рабочих и мобилизованных принимали характер вооруженных схваток с полицией и войсками и были подавлены оружием. На фронте еще не раздался ни один винтовочный выстрел, а в тылу против «внутреннего врага» царские палачи уже применили пулеметы и даже артиллерию. По далеко не полным официальным данным, при подавлении выступлений только в 17 губерниях в 31 уезде было убито 225 и ранено 187 человек, в том числе 60 полицейских. Исследователь этого вопроса А. Б. Беркевич подсчитал, что с 19 июля по 1 августа в 27 губерниях было ранено и убито 505 мобилизованных и 106 должностных лиц¹¹. А ведь мобилизация длилась больше месяца. Число убитых полицейских — примерно один полицейский на пять мобилизованных — говорит о том, что антивоенные выступления заканчивались вооруженной борьбой, а число охваченных выступлениями губерний свидетельствует о широком распространении в России движения против войны.

Ярким эпизодом этого движения служит восстание рабочих в Лысьве, Пермского уезда. За несколько месяцев до войны, в марте 1914 г., в Лысьве состоялась забастовка, продолжавшаяся два месяца; рабочие были истощены и не успели еще оправиться, как 17 июля была объявлена мобилизация. Явке на призывной пункт подлежало около 600 рабочих Лысьвенского завода. Не желая обрекать свои семьи на голод, они потребовали от администрации выдачи им пособия. По царским законам это не входило в обязанности администрации, однако, боясь выступления рабочих, она согласилась выдать им незначительную ссуду. Не удовлетворившись подачкой хозяев, рабочие 20 июля окружили дом правления, где находился управляющий округом и вызванная им полиция. Полицейские открыли огонь из окон, убив нескольких человек. Возмущенные рабочие, вооружившись ружьями и револьверами, открыли стрельбу по окнам. Началась осада правления. В борьбе участвовали женщины и подростки 12—14 лет. Здание было облито керосином и подожжено. Выбегавших из горевшего здания убивали.

Получив известие о событиях в Лысьве, пермский губернатор немедленно выслал туда роту солдат с двумя пулеметами. В Лысьву выехал вице-губернатор с другой ротой солдат. Сюда же прибыли 50 конных стражников и сотня казаков. Во время лысьвенских событий было ранено 35 и убито 13 рабочих и 8 должностных лиц. Военному суду было предано 85 участников восстания. В октябре 1914 г. суд приговорил 22 человек к смертной казни, а 23 — к бессрочной каторге. Кроме того, 400 лысьвенских рабочих выселили из пределов Пермской губернии¹².

В той же губернии выступления имели место в Пермском, Осинском и Верхотурском уездах, где полиция также применила оружие, были убитые и раненые.

20 июля на Надеждинском заводе Верхотурского уезда около 4 тыс. запасных и рабочих напали на главную контору завода и канцелярию полицейского надзирателя. Полицейские убили 5 человек и столько же человек ранили¹³.

В Макеевке (Донбасс) 19 июля полиция арестовала девять мобилизованных за избиение городовых. Мобилизованные, требуя освобождения товарищей, забросали камнями полицейских и казаков. Полиция открыла огонь, убив троих и ранив двух человек. Несмотря на это, волнение не утихло, и только после того, как вызванные казаки убили еще 10 и ранили 15 человек, мобилизованные отступили¹⁴.

¹¹ А. Б. Беркевич. Крестьянство и всеобщая мобилизация в июле 1914 г. «Исторические записки». Т. 23, 1947, стр. 40—41.

¹² ЦГИАМ, ф. 102, оп. 106, д. 138, ч. 50, 1914 г., лл. 29—34; «Уральский коммунист», 1927, № 13—14; «Искра» (орган Лысьвенского горкома ВКП(б), горсовета и горпрофсовета), № 167, 1 августа 1934 года.

¹³ ЦГИАМ, ф. 102, оп. 106, д. 138, ч. 50, 1914 г., лл. 4, 24.

¹⁴ Там же, ч. 45, 1914 г., лл. 3, 7; А. Б. Беркевич. Указ. соч., стр. 24.

Такого массового революционного протеста против войны, принявшего характер вооруженных выступлений, не знала ни одна страна. В этом ярко сказались результаты деятельности большевиков, воспитавших пролетариат. Уже первые проявления недовольства войной вызвали тревогу у властей. Вся военная сила в тылу была привлечена к подавлению антивоенных выступлений.

Министр внутренних дел рассылал губернаторам панические телеграммы, требуя «раздавить бесчинства», «стрелять при усмирении беспорядков», притом «стрелять не по звездам». Симбирскому губернатору в ответ на сообщение о беспорядках министр приказывал: «Надо без колебаний действовать в этих случаях оружием, нельзя здесь миндальничать»¹⁵. Грозные приказы «Стрелять!» шли в Томск и Минск, в Уфу и Самару, в Симбирск и Саратов.

Путем репрессий, мобилизаций и шовинистической пропаганды развитие революционного движения было задержано. Но покончить с ним царское правительство было бессильно. Глубокие социальные противоречия, существовавшие в стране, под воздействием войны не притупились, а обострились. Рабочий класс России, как отмечал В. И. Ленин, в общем и целом «оказался иммунизированным в отношении шовинизма»¹⁶. Не забывало о своих классовых врагах и крестьянство. Выступления крестьян в деревне продолжались.

Большевистская партия с самого начала мировой бойни заняла последовательно революционную и интернационалистскую позицию. Партии приходилось вести работу в неслыханно трудных условиях. Царские власти использовали против нее все средства, имевшиеся в арсенале карательных органов. Полиция совершала массовые облавы по заводам, рабочим районам, арестовывая большевиков по заранее составленным спискам. Жандармы выслеживали партийных работников. Провокаторы проникали в партийные организации, выдавали охранке работников и технику партии, зачастую фабрикуя подложные дела. В полицейских застенках применялись пытки.

Петербургский Комитет подвергался налетам жандармерии во время войны не менее 30 раз (если считать одни крупные налеты)¹⁷. Число арестованных (членов бюро Центрального Комитета, Петербургского Комитета, руководителей и членов районных комитетов и заводских организаций) превышало 600 человек, а вместе с обслуживавшими подпольную технику — наборщиками, распространителями листовок, агитаторами и другими работниками — достигало, видимо, нескольких тысяч¹⁸. Сюда не входят данные об участниках стачек или случайно арестованных полицией, хватавшей направо и налево всех заподозренных в «образе мыслей», как язвительно писал в свое время М. Е. Салтыков-Щедрин.

Подвергаясь непрерывным налетам полиции, теряя налаженную с огромным напряжением технику, Петербургский Комитет снова возрождался и развивал кипучую деятельность. На заводах работали кружки и ячейки. Была восстановлена деятельность районных комитетов (вес-

¹⁵ ЦГИАМ, ф. 102, оп. 106, д. 138, ч. 65, л. 5.

¹⁶ В. И. Ленин. Соч. Т. 21, стр. 289.

¹⁷ Сама охранка отметила, что с января 1915 по июль 1916 г. было проведено 16 крупных изъятий активных деятелей и техники Петербургского Комитета (ЦГИАМ, ф. 102, д. 5, ч. 57, 1916 г., лл. 110—112). Опираясь, видимо, на эти данные, исследователь истории Петербургского Комитета во время войны К. Шариков считал, что Петербургский Комитет подвергался 16 раз разгрому (К. Шариков. Петербургская организация большевиков в годы войны. «Красная летопись», 1934, № 4(16), стр. 38). Но отчет охранки охватывает только полтора года из двух с половиной лет войны. Затем и в этом полном отчете не указаны налеты 26 июня 1915 г. (там же, ф. 102, д. 5, ч. 57, 1915 г., л. 151), в июле 1915 г. (там же, лл. 132—133) и 26 апреля 1916 г. (там же, 1916 г., лл. 57—59), а также пять операций 1914 года. После июля 1916 г. было произведено еще не менее шести крупных изъятий.

¹⁸ К сожалению, до сих пор нет даже приблизительных подсчетов. Явно неполная сводка составлена мною по донесениям петроградской охранки (ЦГИАМ, ф. 102).

ной 1915 г. действовали 11 таких комитетов, в том числе два национальных — Эстонский и Латышский), каждый из них выделял своих представителей в Петербургский Комитет. В середине 1916 г., по сообщению ПК, в Петрограде числилось около 2 тыс. регулярно плативших партийные взносы большевиков, причем 600 членов партии насчитывалось в Выборгском районе¹⁹. В годы войны в Петрограде работали В. Залеский, М. И. Калинин, К. Е. Ворошилов, А. А. Андреев, Н. М. Шверник, В. В. Куйбышев и др.

В. И. Ленин чрезвычайно высоко оценил работу Петербургского Комитета. Помещая в центральном органе партии сведения о его деятельности, В. И. Ленин писал: «Приведенный в этом номере материал показывает, какую громадную работу развернул Петербургский комитет нашей партии. Для России и для всего Интернационала это — поистине образец социал-демократической работы во время реакционной войны, при самых трудных условиях»²⁰.

С такой же самоотверженностью большевики вели работу и в Москве. Здесь приходилось преодолевать огромные трудности. Московского Комитета не существовало. Тем не менее было выпущено несколько антивоенных листовок, которые издавались либо отдельными районами, либо группами большевиков. Постоянные налеты полиции срывали попытки создания Московского Комитета. На помощь Москве неоднократно приходил Петроград, присылавший сюда то листовки, то транспорты литературы. В Москву приезжали представители Петербургского Комитета.

Несмотря на многочисленные аресты и постоянные провокации, работа партии принимала все более широкий размах: к октябрю 1915 г. в Москве имелось 5 районных комитетов, 31 группа и 550 организованных большевиков. В августе того же года была создана «Организационная комиссия по восстановлению МК», которая фактически исполняла роль руководящего центра. Заслушав отчеты о деятельности в районах, комиссия назначила общегородскую конференцию на 6—8 сентября. Однако собралась она 22 сентября. Провокаторы выдали место ее заседания, полиция совершила налет, сорвав выборы Московского Комитета²¹. Только в конце октября 1915 г. удалось впервые за время войны избрать общегородской комитет из представителей пяти районов; две группы должны были дополнительно выбрать своих представителей. После этого состоялось одно чисто организационное собрание МК. На следующем заседании предполагалось утвердить ряд документов, но 5 ноября новый состав Московского Комитета был арестован²². Отдельные члены его уцелели и продолжали свои попытки создать общегородской центр.

Положение дел в крупнейшей партийной организации страны было известно Центральному Комитету партии. В. И. Ленин внимательно следил за работой московских большевиков. Он вел переписку с М. И. Ульяновой, прибывшей в Москву после отбытия ссылки. Корреспонденции из Москвы не раз печатались в центральном органе партии. Бюро Центрального Комитета в декабре 1915 г. прислало из Петрограда своего представителя в Москву. Было решено создать здесь областное Бюро ЦК партии в составе трех человек, которое одновременно выполняло бы обязанности Московского Комитета²³.

В феврале 1916 г. удалось восстановить Московский Комитет путем

¹⁹ ЦГИАМ, ф. 102, оп. 244, д. 5, ч. 46, лит. Б/1916 г., лл. 45—47.

²⁰ В. И. Ленин. Соч. Т. 21, стр. 366.

²¹ ЦГИАМ, ф. 102, оп. 244, д. 5, ч. 46, лит. Б/1915 г., лл. 128, 264—265.

²² Там же, л. 459.

²³ «Социаль-демократ» (ЦО РСДРП), № 51, 29 февраля 1916 г.; «Большевики в годы империалистической войны», стр. 84—87; Д. И. Эрде. Московская организация большевиков в период революционного кризиса 1915—1916 гг. «Известия Академии наук СССР». Серия истории и философии. Т. VIII, № 6, 1951, стр. 513.

выделения представителей от райкомов. В течение войны в Москве работали видные деятели партии: М. С. Ольминский, И. И. Скворцов (Степанов), Р. С. Землячка, В. П. Ногин, П. Г. Смидович, С. Н. Смидович.

Петроград и Москва, где были сосредоточены значительные кадры партии, выделялись по интенсивности своей деятельности. В других промышленных центрах партийные комитеты, хотя и ослабленные провалами, также продолжали работу, пополнившись новыми членами.

Несмотря на массовые репрессии и жестокий террор, полиция не смогла парализовать революционную деятельность большевиков. По признанию охранки, партийные комитеты работали в крупнейших промышленных центрах. «В минувшем и текущем годах, — написано в полицейской сводке о положении партии большевиков в 1915—1916 гг., — отмечено существование подпольных социал-демократических организаций в городах: Петрограде, Москве, Харькове, Киеве, Ростове н/Д, Самаре, Баку, Иваново-Вознесенске, Иркутске, Костроме, Екатеринодаре, Кутаисе, Гомеле, Одессе, Перми, Саратове, Тифлисе и Ярославле»²⁴.

Данный список комитетов явно неполный. В той же справке полиция сообщала: «...наиболее результативные ликвидации были произведены за рассматриваемый период времени в Петрограде, Москве, Харькове, Ростове н/Д, Костроме, Одессе, Ревеле, Ярославле, Гомеле, Киеве, Самаре, Иркутске, Сороме». В этом списке перечисляются города, не указанные в предыдущем перечне. В списке существовавших подпольных организаций бросается в глаза отсутствие Донбасса, Урала, Латвии, где имелись партийные комитеты, работавшие непрерывно и интенсивно²⁵. По другим, опять-таки далеко не полным, данным охранки, свыше 40 организаций в течение войны выпускали листовки. Кроме названных в начале статьи партийных комитетов, листовки издавали организации Донецкого бассейна, Екатеринбургa, Златоуста, Иваново-Вознесенска, Красноярска, Кронштадта, Нижнего Новгорода, Орехово-Зуева, Ростова-на-Дону, Саратова, Твери, Царицына, Риги, Баку, Тифлиса и других городов и районов. По подсчетам И. М. Дажиной, специально изучавшей этот вопрос, за время войны партия примерно в 62 городах издала до 560 различных листовок²⁶. Кроме того, большевики выпускали в этот период 11 газет и журналов.

Несмотря на террор и провокации, большевики сумели провести ряд не только городских, но и областных конференций. В июле 1915 г. состоялась областная конференция Иваново-Вознесенского района. На ней присутствовало 14 делегатов, представлявших свыше 400 организованных членов партии²⁷. В сентябре того же года в Екатеринбурге была созвана конференция уральских большевиков. В октябре в Баку состоялась конференция Кавказского бюро РСДРП, в ноябре — общегородская конференция большевиков в Харькове²⁸. В апреле 1916 г. имело место совещание Юзовско-Макеевской организации. В сентябре в Поволжье была созвана областная партийная конференция, на которой присутствовали делегаты крупнейших городов Поволжья. В ноябре 1916 г. прошли конференции большевиков в Екатеринославе (здесь было представлено

²⁴ ЦГИАМ, ф. 102, оп. 17, д. 5, 1916 г., лл. 3, 4.

²⁵ Достаточно сказать, что Латышская социал-демократическая партия только за первый год войны — с августа 1914 по июль 1915 г. — издала 67 листовок тиражом до 800 тыс. экземпляров, а всего за войну — 82 листовки общим тиражом более 1 млн. (И. М. Дажиная. Нелегальная печать большевистской партии. «Сборник научных работ кафедры истории КПСС и философии Московского института народного хозяйства имени Г. В. Плеханова». М., 1957, стр. 220).

²⁶ И. М. Дажиная. Нелегальная печать партии большевиков в годы империалистической войны. М. 1959 (кандидатская диссертация), стр. 50—51.

²⁷ «Большевики в годы империалистической войны», стр. 64.

²⁸ Там же, стр. 76; «Сборник Социаль-демократа» (ЦО РСДРП), октябрь 1916 г., № 1, стр. 83.

больше 300 членов партии, регулярно плативших членские взносы) и в Донецком бассейне²⁹.

Работа партии приняла настолько широкий характер, что уже весной 1915 г. Петербургский Комитет предпринял попытки созвать всероссийское совещание или конференцию партии, послав своего представителя для переговоров с большевиками Москвы и ряда городов юга³⁰. В сентябре представитель Харьковского Комитета был направлен в Москву и Петроград «для выяснения вопроса о созыве всероссийской конференции социал-демократических большевистских групп и участия в ней Харьковской социал-демократической организации»³¹. Харьковская общегородская конференция в ноябре 1915 г. высказалась за созыв всероссийского съезда партии и за создание областной организации в целях объединения деятельности отдельных большевистских организаций.

В конце 1915 г. в Москву снова приезжал представитель Петербургской организации с предложением созвать всероссийскую конференцию³². В ноябре 1916 г. областная конференция Донецкого бассейна, состоявшаяся в Екатеринославе, признала неотложной необходимостью созыв всероссийского совещания большевиков³³.

Вопрос о созыве всероссийской партийной конференции настолько назрел, что даже охранка считала созыв конференции вполне реальным. «По сведениям агентуры,— писала, например, московская охранка в апреле 1916 г.,— в социал-демократических верхах действительно замечается стремление к созыву общерусской социал-демократической конференции, но вопрос о времени и месте созыва таковой пока остается открытым»³⁴.

Руководство партии осуществлялось Центральным Комитетом во главе с В. И. Лениным. В короткий срок была восстановлена нарушенная в первые дни войны связь с крупнейшими партийными организациями. Н. К. Крупская вела переписку с рядом организаций. На места рассылался центральный орган и другие издания партии. В центральном органе помещались корреспонденции и отмечались наиболее важные события в партийной жизни: выход листовок, руководство забастовочным движением и т. д. По указанию В. И. Ленина было восстановлено Русское бюро ЦК, так как члены его первого состава — Я. М. Свердлов, С. С. Спандарян (Тимофей), И. В. Сталин — находились в ссылке.

Партия настойчиво, самоотверженно боролась за сплочение масс вокруг ленинских лозунгов о превращении войны империалистической в войну гражданскую, о поражении царизма в войне, о разрыве с предавшим социализм II Интернационалом и создании III, Коммунистического Интернационала.

Путь борьбы большевикам освещала ленинская теория пролетарской революции — учение В. И. Ленина об империализме, о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, о возможности победы социализма в одной, отдельно взятой стране.

В столице и в Москве, в центральных промышленных районах и на Урале, на Украине и в Сибири, в Донбассе и на Кавказе, в армии и в тыловых гарнизонах — всюду шла огромная по размаху и глубокая по содержанию работа большевиков среди масс.

Наиболее массовой формой выступления пролетариата в годы войны оставалась стачка. Увеличение гнета капиталистов поднимало рабочих на забастовки вопреки всем трудностям военного времени. Школа борьбы с объединенным фронтом хозяев и царских властей воспитывала политическое сознание пролетарских масс.

²⁹ «Большевики в годы империалистической войны», стр. 144.

³⁰ ЦГИАМ, ф. 102, оп. 244, д. 5, ч. 46, лит. Б/1915 г., л. 133.

³¹ Там же, оп. 16, д. 5, ч. 88/1915 г., л. 123.

³² «Социаль-демократ» № 51, 29 февраля 1916 года.

³³ «Большевики в годы империалистической войны», стр. 146.

³⁴ ЦГИАМ, ф. 102, оп. 244, д. 5, 1915 г., л. 213.

Отношение мелкобуржуазных партий к забастовкам было тесно связано с их позицией в вопросе о войне. Шовинистические группы мелкобуржуазных партий, отстаивая сотрудничество с буржуазией в деле обороны страны, докатились до отрицания стачек, до признания необходимости борьбы с ними.

Принципиально отличной была позиция большевистской партии. Большевики с самого начала войны настойчиво боролись за развертывание забастовочного движения, за то, чтобы стачки были политически заострены и перерастали в массовые выступления пролетариата. Большевики стремились к проведению забастовок под лозунгом «трех китов», к развитию массовой политической стачки, подготавливающей восстание. Такая линия большевистской партии способствовала сплочению вокруг нее рабочих масс.

Остановимся сначала на общем обзоре стачечного движения. В 1915—1916 гг. забастовок было значительно меньше, чем в период предвоенного революционного подъема, но в несколько раз больше, чем во времена столыпинской реакции или накануне первой русской революции³⁵. При этом, несмотря на усиливавшиеся репрессии, число стачек неуклонно росло. В августе — декабре 1914 г. их было, по официальным данным, 70, в 1915 г. — 957, а в 1916 г. — 1 416³⁶. По числу стачечников, приходившихся на одно выступление, забастовки военных лет не имели себе равных в истории России. Если в 1905 г. на одну забастовку приходилось 205 стачечников, а в 1913 г. — 369, то в 1915 г. — уже 581, а в 1916 г. — 741³⁷. Эти цифры свидетельствуют о том, что в пролетарском движении появились новые моменты: повысилась роль рабочих крупных предприятий в забастовках и укрепилась пролетарская солидарность в стачечных боях. В силу этого при уменьшении количества забастовок число стачечников в 1916 г. превысило уровень 1912 и 1913 годов³⁸. Для забастовок военного времени характерна, наконец, возросшая стойкость пролетариата. Количество потерянных рабочих дней на одного бастовавшего в 1915 г. превысило уровень 1912 г., а в 1916 г. — уровень 1913 и 1914 годов³⁹. Как видим, по размаху борьбы забастовочное движение военных лет сравнимо с периодом предвоенного революционного подъема, а по упорству, сплоченности и по роли в нем пролетариата крупных предприятий превосходило его.

В рассматриваемое время изменилось соотношение между числом экономических и политических стачек. Количество экономических забастовок лишь немногим отставало от показателей предвоенного подъема, но число политических забастовок было в несколько раз меньше, нежели в 1912—1914 годах. По числу участников экономических забастовок уже 1915 год почти равнялся высшей точке предвоенного подъема — 1913 г., а 1916 год превысил его уровень более чем в 1,5 раза. Политические же забастовки по этому показателю и в 1916 г. значительно уступали последним предвоенным годам⁴⁰.

Увеличение удельного веса экономических стачек объяснялось рядом причин. С одной стороны, резкое ухудшение хозяйственного положения в стране ставило перед самыми широкими массами рабочего

³⁵ Здесь и в дальнейшем сравнение забастовочного движения 1915—1916 гг. с предвоенным периодом производится на основе статистических сведений фабрично-заводской инспекции. Эти данные, несмотря на их неполноту и тенденцию к преуменьшению, в общем верно передают динамику движения. Нами использовались сводные данные фабрично-заводской инспекции за ряд лет, собранные в 8-м выпуске «Материалов по статистике труда», стр. 61.

³⁶ По предприятиям, поднадзорным фабрично-заводской и горной инспекции. Подсчитано нами на основе материалов, помещенных в сборнике документов «Рабочее движение в годы войны».

³⁷ «Материалы по статистике труда». Вып. 8, стр. 62.

³⁸ Там же, стр. 61.

³⁹ Там же, стр. 62.

⁴⁰ Там же, стр. 61.

класса дилемму — либо борьба за условия существования, либо медленная смерть от истощения. С другой стороны, политические выступления пролетариата в обстановке военного времени подвергались особенно свирепым репрессиям. Нужно также учесть, что во время войны грань между экономическими и политическими забастовками сделалась более условной: они стали чаще переходить друг в друга. Этому невольно способствовали и жестокие карательные меры царских властей, рассматривавших всякое выступление пролетариата на предприятиях, работавших на военные нужды⁴¹, как подрыв обороны страны.

Иногда экономические требования рабочих сочетались с политическими⁴² или даже служили маскировкой, по существу, политических выступлений. Так, общая стачка иваново-вознесенских рабочих в мае 1915 г. была вызвана дороговизной и недостатком продуктов и рассматривалась официальной статистикой как экономическая. Между тем известно, что бастовавшие в течение трех дней собирались за городом на митинги, где произносились революционные речи. «На одном из таких собраний после горячей речи т. Колесникова, призывавшего к вооруженной борьбе с правительством, вся масса до 8 000 человек единодушно ответила «долой войну»⁴³. В мае 1916 г. в циркуляре департамента полиции о забастовочном движении в заводских районах, особенно на юге России и Урале, говорилось: «Хотя требованиям рабочих придается экономический характер, тем не менее есть основание утверждать, что указанная агитация (призывы к забастовкам. — И. М.) — на политической подкладке и, как усматривается из распространяемых прокламаций, направлена к внушению рабочим мысли о необходимости прекращения войны...»⁴⁴.

За всю историю рабочего движения России лишь революционный 1905 год и 1914 год дали больше участников экономических забастовок, нежели 1916 год. По числу рабочих дней, потерянных во время экономических стачек, 1915 год довольно близок к 1907 и 1912 гг., а 1916 год превзошел высокий уровень 1913 года⁴⁵.

Результативность экономических забастовок во второй половине 1914 г. снизилась. Но в последующие годы количество забастовок, закончившихся успешно для рабочих, увеличилось⁴⁶. Это объясняется прежде всего тем, что усилились размах борьбы рабочих, их упорство и повысилась особая роль рабочих крупных предприятий. В некоторых случаях капиталисты проявляли «уступчивость», опасаясь в результате простоя потерять свою долю в колоссальных военных прибылях.

Подавляющая часть экономических забастовок периода войны сопровождалась требованием увеличения заработной платы. Наступательные по форме, они в действительности были связаны с быстро прогрессирующей дороговизной. Не случайно удельный вес этих забастовок особенно увеличился в 1916 году. Довольно видное место занимали также забастовки, возникавшие из-за недовольства порядком на предприятиях, условиями труда и быта⁴⁷. Эта группа забастовок ин-

⁴¹ На таких предприятиях работала, как известно, большая часть фабрично-заводского пролетариата.

⁴² Например, рабочие завода «Динамо» во время октябрьской забастовки 1915 г. требовали повышения заработной платы, установления 8-часового рабочего дня, открытия технических курсов для рабочих, освобождения арестованных рабочих. Забастовка была отнесена официальной статистикой к экономическим («Рабочее движение в годы войны», стр. 106).

⁴³ Б. В. Златоустовский. Стаечное движение в Иваново-Вознесенском фабричном районе. 1905—1916 гг. Иваново-Вознесенск. 1928, стр. 120.

⁴⁴ А. П. Тяняев. Рабочее движение на Урале в годы империалистической войны. Свердловск-Москва. 1931, стр. 38.

⁴⁵ «Материалы по статистике труда». Вып. 8, стр. 61.

⁴⁶ Там же, стр. 71, 72.

⁴⁷ В системе, подчиненной надзору фабрично-заводской инспекции, их насчитывалось за 1915—1916 гг. 192 с 158 тыс. участников («Материалы по статистике труда». Вып. 8, стр. 68—69).

тересна тем, что к ней официальная статистика относила, в частности, стачки солидарности с уволенными или непринятыми рабочими, стачки протеста против обысков рабочих, стачки с требованием удалить отдельных представителей администрации, то есть выступления, свидетельствовавшие о росте классовой сознательности пролетариата. В целом экономические забастовки военных лет были грандиознее, чем в период революционного подъема 1912—1914 годов.

Массовые экономические стачки представляли солидную основу для политического движения рабочих. Официальная статистика насчитывала в августе — декабре 1914 г. 8 политических забастовок с 4,3 тыс. участников, в 1915 г. — 214 забастовок со 157 тыс. участников и в 1916 г. — 243 забастовки с 310 тыс. участников⁴⁸. В дальнейшем мы увидим, что эти данные преуменьшают размах движения, но и они свидетельствуют о неуклонном росте борьбы рабочего класса и о том, что политические стачки в 1916 г. начинают принимать массовый характер. Для политических забастовок военных лет в еще большей мере, чем для экономических, характерно увеличение числа рабочих, приходившихся на одну стачку (в 1905 г. — 188 человек, в 1913 г. — 486, в 1915 г. — 732 и в 1916 г. — 1277 человек)⁴⁹. Следовательно, в политических забастовках роль рабочих крупных предприятий была выше и солидарность крепче, чем в экономических. Политические стачки военных лет отличались также упорством борьбы. Число рабочих дней, потерянных в результате политических забастовок в 1916 г., при меньшем количестве стачечников превышало уровень 1912 и 1913 годов⁵⁰.

Активность различных групп пролетариата в стачечном движении была неодинакова. Металлисты сохранили в годы войны передовую роль по отношению ко всей массе рабочих. В 1916 г. они дали больше забастовщиков, чем остальные группы рабочих, вместе взятые⁵¹. Некоторое снижение удельного веса металлистов в забастовочной борьбе 1915 г. по сравнению с предвоенным подъемом объяснялось отчасти тем, что они израсходовали много сил в классовых боях 1912—1914 годов. Далее, репрессии царизма, особенно в начале войны, были направлены в первую очередь против передовой части пролетариата. Небольшое значение могло иметь и временное, частичное повышение заработной платы в военных отраслях в начале войны.

Необходимо особо отметить исключительную роль металлистов в политических стачках. Здесь они далеко опережали все другие группы рабочих.

В годы войны в забастовочной борьбе возросло значение текстильщиков, которые повысили стачечную активность по сравнению с предвоенным временем. В 1915 г. текстильщики по абсолютному количеству забастовок и стачечников даже обогнали металлистов, снова отстав от них в следующем году. По упорству же стачечной борьбы (количество потерянных рабочих дней на одного забастовщика) текстильщики стояли на первом месте⁵². Такое подтягивание следующего по активности отряда пролетариата к его авангарду являлось знаменательным явлением в российском рабочем движении. Оно не может быть объяснено лишь быстрым ухудшением условий существования текстильщиков. Оче-

⁴⁸ Подсчитано на основе материалов сборника «Рабочее движение в годы войны».

⁴⁹ Подсчитано по данным, приведенным в «Материалах по статистике труда». Вып. 8, стр. 61.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же, стр. 64—65. Распределение по группам произведено нами, исходя из ленинской классификации фабрично-заводского пролетариата на: а) металлистов; б) текстильных рабочих; в) типографов, деревообделочников, кожевников, рабочих химических производств; г) рабочих в обработке минеральных веществ и в производстве питательных продуктов (см. В. И. Ленин, Соч. Т. 16, стр. 369—370).

⁵² Подсчитано нами на основе данных, приведенных в «Материалах по статистике труда». Вып. 8, стр. 64—67.

видно, здесь сказалась школа революционной борьбы, пройденная рабочим классом России.

За годы войны количество рабочих, занятых в металлообрабатывающей промышленности (вместе с рабочими главнейших мастерских казенных железных дорог), значительно возросло, достигнув 1 044 тыс. человек, или 31% всей численности фабрично-заводского пролетариата страны. Число текстильщиков несколько уменьшилось. В целом эти две группы пролетариата, наиболее активно участвовавшие в забастовочном движении, охватывали к 1917 г. около 48% общей массы фабрично-заводских рабочих⁵³. Авангард стачечников включал почти половину промышленных рабочих!

Следом за металлистами и текстильщиками по-прежнему шла группа рабочих полиграфической, деревообделочной, химической промышленности и обработки животных продуктов, и на четвертом месте находились пролетарии пищевой промышленности и производства по обработке минеральных веществ. Однако разница между активностью металлистов и текстильщиков, с одной стороны, и двух следующих групп, с другой, в годы войны увеличилась⁵⁴.

В связи с изменениями в активности различных групп рабочего класса и с оккупацией противником западных губерний произошли некоторые перемены в географии стачечного движения. Для характеристики этих перемен воспользуемся принятым и использованным В. И. Лениным делением Европейской России на фабрично-заводские округа, каждый из которых охватывал несколько губерний⁵⁵.

Если при оценке забастовочного движения в округах учитывать количество рабочих в них, то окажется, что Петроградский округ сохранял в годы войны ведущее положение, а в 1916 г. он значительно опережал следующий за ним по значению Московский округ. На третьем месте находился Харьковский округ, далее Поволжский и после всех Киевский.

По абсолютному числу забастовок и стачечников на первое место вышел более «текстильный» Московский округ, потеснив Петроградский. Другие округа следовали за ними в том же порядке, причем Харьковский и Поволжский округа по количеству забастовщиков в 1916 г. превзошли самый высокий уровень предвоенного подъема. Только в Киевском округе наблюдалось серьезное понижение стачечной активности.

Значение Петроградского и Московского округов увеличивалось вследствие захвата германскими войсками развитого Варшавского округа. На эти два передовых района, сосредоточивших к 1917 г. около 41% фабрично-заводских рабочих страны, приходилось (по предприятиям, подчиненным фабрично-заводскому надзору) около 70% забастовок 1915—1916 гг. и еще больший процент стачечников⁵⁶.

⁵³ Подсчитано по архивным источникам Центрального государственного исторического архива в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 23, оп. 16, 1917 г., д. 318, лл. 39—41, 56—58 об.

⁵⁴ Подсчитано на основе данных, приведенных в «Материалах по статистике труда». Вып. 8, стр. 64—67.

⁵⁵ К Петроградскому округу отнесены Архангельская, Витебская, Курляндская, Лифляндская, Новгородская, Олонецкая, Петроградская, Псковская, Эстляндская губернии и Финляндия; к Московскому округу — Владимирская, Калужская, Московская, Рязанская, Смоленская, Тверская и Тульская губернии; к Харьковскому округу — Донская область, Воронежская, Екатеринославская, Кубанская, Курская, Орловская, Ставропольская, Таврическая, Тамбовская, Харьковская, Черноморская губернии; к Поволжскому округу — Астраханская, Вологодская, Казанская, Костромская, Нижегородская, Пензенская, Самарская, Саратовская, Симбирская и Ярославская губернии.

⁵⁶ Данные о стачках почерпнуты из «Материалов по статистике труда». Вып. 8, стр. 63. Процент пролетариата, сосредоточенного в Петроградском и Московском округах, подсчитан нами по архивным источникам: ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 16, 1917 г., д. 318, лл. 39, 39 об, 63 и 63 об; оп. 27, д. 476, лл. 51—52.

Внутри округов стачечное движение было сосредоточено в наиболее промышленных губерниях. Четыре из них — Петроградская, Московская, Владимирская и Костромская — дали 60% военных стачек и более 75% общего числа забастовщиков по предприятиям, поднадзорным фабрично-заводской инспекции. По данным последней, в 1915 г. Московская губерния по количеству стачек и бастовавших несколько опережала Петроградскую, снова уступив ей первое место в 1916 г., когда Петроградская губерния по сравнению с Московской дала в два с лишним раза больше забастовщиков. Если учесть, однако, что сведения о выступлениях почти трети петроградского пролетариата, сосредоточенного на казенных предприятиях, не регистрировались фабрично-заводской инспекцией, тогда как в Московской губернии рабочие казенных предприятий составляли ничтожный процент, можно предположить, что Петроградская губерния и в 1915 г. сохраняла авангардную роль в движении. Петроградская губерния, как увидим ниже, имела исключительное значение в политических стачках.

На третьем месте в стачечном движении во время войны стояла Владимирская и на четвертом — Костромская губернии. Пролетарские армии этих четырех губерний составляли вместе 1 130 тыс. человек, или немногим более одной трети всех фабрично-заводских рабочих страны. Из других губерний развитого рабочего движения нужно отметить Харьковскую, Екатеринославскую, в меньшей степени Донскую область, Бакинскую губернию и некоторые другие⁵⁷. На Урале значительный подъем стачечной борьбы наблюдался в 1916 г., но удельный вес ее в общероссийском масштабе был незначителен⁵⁸.

Основное изменение в географии стачечного движения за время войны заключалось в распространении активной борьбы пролетариата из Северо-Западного района на Центральную-Промышленную и Южный горнопромышленный районы при потере западных и отчасти северо-западных губерний, которые были захвачены противником или в которых был введен прифронтовой режим. Таким образом, к 1917 г. широкое забастовочное движение охватывало все три главных промышленных района страны.

Война оказала большое влияние и на концентрацию рабочей силы внутри этих районов. В Петроградской губернии количество фабрично-заводских рабочих возросло с 274,7 до 412,5 тыс. человек. При этом в Петрограде имелось 53 завода, каждый из которых насчитывал свыше 1 тыс. рабочих, против 33 в 1914 г., а вместе с казенными заводами — 72⁵⁹ с общим числом рабочих более 260 тыс.⁶⁰. На этих 72 заводах было сосредоточено 64% всей пролетарской армии столицы и окрестностей. Столь внушительный рост числа рабочих в Петрограде был связан с быстрым развитием здесь металлообрабатывающей военной промышленности. Значительно меньше увеличилось число фабрично-заводских рабочих в Московской губернии, где преобладала текстильная промышленность (с 389,1 до 415,2 тыс. человек). Во Владимирской губернии, где до войны существовала в основном легкая промышленность, число фабрично-заводских рабочих даже несколько уменьшилось (с 210,2 до 205 тыс. человек). Быстро выросла пролетарская армия Донбасса. Только число шахтеров увеличилось по сравнению с 1913 г. на 66,5% и достигло 280,4 тыс. человек. К этому нужно добавить свыше 50 тыс. рабочих металлургических заводов юга России. На Урале около

⁵⁷ Данные о Петроградской и Московской губерниях взяты из «Материалов по статистике труда». Вып. 8, стр. 63. Сведения о других губерниях прослежены по сборнику «Рабочее движение в годы войны».

⁵⁸ А. П. Т а н я е в. Указ. соч., стр. 35—36.

⁵⁹ Включая Сестрорецкий оружейный завод.

⁶⁰ Не считая 2 артиллерийских складов с 7 тыс. рабочих. Подсчитано по материалам ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 16, 1917 г., д. 318, лл. 56—57, 58, 74—75, 78—79.

$\frac{2}{3}$ рабочих (240 тыс.) было сосредоточено в Пермской губернии. В Юго-Западном районе выделялась по количеству фабрично-заводских рабочих Киевская губерния (более 90 тыс.). Можно назвать еще ряд губерний в главных промышленных районах, где к 1917 г. имелись значительные группы фабрично-заводских рабочих: Костромская губерния (97 тыс.), Херсонская губерния (73,5 тыс.), Нижегородская и Тульская губернии (около 50 тыс. фабрично-заводских рабочих в каждой). Наиболее крупные отряды рабочего класса, не входившие в состав главных промышленных районов, сосредоточивались в Баку (около 60 тыс.) и в Самаре (47 тыс.)⁶¹.

Во всех этих промышленных очагах ко времени революционных событий сложились ударные отряды рабочего класса.

Завершая общий обзор, отметим, что по активности стачечной борьбы рабочий класс России далеко опередил пролетариат других крупнейших государств — участников войны⁶².

Год	Число стачечников (в тыс.)				Число потерянных дней (в тыс.)			
	Россия	Англия	Франция	Германия	Россия	Англия	Франция	Германия
1915	557	448	9	14	1 943	2 950	55	42
1916	1 038	276	41	129	5 268	2 450	236	245

Так как численность промышленного пролетариата России была значительно меньшей, чем в Англии, Франции или Германии, удельный вес стачечников оказывался здесь много большим. В России один стачечник приходился (приблизительно) в 1915 г. на шесть фабрично-заводских рабочих, а в 1916 г. — на трех рабочих, в Англии соответственно на 11 и 18 рабочих, во Франции — на 389 и 85 рабочих, а в Германии — на 428 и 46 рабочих⁶³.

Наконец, российский рабочий класс в отличие от пролетариата других стран в тяжелых условиях военного режима провел ряд политических выступлений. Авангардная роль рабочего класса России в мировом революционном движении, столь ярко проявившаяся в 1917 г., была подготовлена его героической борьбой в предшествовавшие и, в частности, военные годы.

⁶¹ Данные о численности фабрично-заводского пролетариата России в 1913 г. по районам взяты из следующих работ: А. Г. Рашин. О численности и территориальном размещении рабочих России в период капитализма. «Исторические записки». Т. 46; его же. Формирование промышленного пролетариата в России. М. 1940; его же. Население России за 100 лет. М. 1956; Р. С. Лившиц. Размещение промышленности в дореволюционной России. М. 1955; П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, Т. II. М. 1956.

Для начала 1917 г. те же данные установлены по архивным документам: распределение числа предприятий и рабочих России на 1 января 1917 г. по районам, установленным Экономическим комитетом (ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 16, 1917 г., д. 318, лл. 39, 39 об.); распределение казенных предприятий на 1 января 1917 г. по районам, установленным Экономическим комитетом (там же, лл. 63, 63 об.); распределение заведений и рабочих по губерниям на 1 января 1917 г. (там же, оп. 27, д. 476, лл. 43—44) и еще двум документам частного значения (там же, лл. 51—52; оп. 16, д. 351, лл. 1—2).

⁶² Данные по России подсчитаны по материалам сборника «Рабочее движение в годы войны» и охватывают предприятия, подчиненные фабричному и горному надзору. Сведения по западным капиталистическим странам заимствованы из книги «Мировые экономические кризисы 1848—1935». Т. I. М. 1937, стр. 348, 360, 368.

⁶³ Данные о численности фабрично-заводского пролетариата Англии, Франции и Германии во время войны взяты из статистического сборника «Мировая война в цифрах». М.-Л. 1934, стр. 55.

(Окончание следует)